

Новом Завете»; 3 апреля), и Б.Г. Соколова («Тема на одну строку»; 15 мая). Организационный комитет открытых семинаров совместного проекта ЛМИ и ЦИК: Б.Г. Соколов, Е.Г. Соколов, Е.Э. Сулова, Д.А. Бабушкина, Н.О. Ноговицын. В семинарах принимали участие представители философского факультета СПбГУ, СПб Института психоанализа, Музей антропологии и этнографии РАН «Кунсткамера» и многие другие.

Материалы семинара, посвященного обсуждению доклада Е.Э. Суловой «Стратегии удовольствия» были опубликованы в альманахе *Studia Culturae* 4 (СПб., 2002. Сс. 199-212). Доклад Соколова Б.Г. «Проблема цветовой дифференциации штанов», представленный на отдельном заседании Лаборатории 18 декабря 2002 г. опубликован в сборнике *Анекдот как феномен культуры. Санкт-Петербург. День Петербургской Философии – 2002. СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2002.* В настоящем выпуске *Studia Culturae* представлены тезисы докладов Трофимова В.Ю., Смирнова А.В., Чулкова О.А. и Соколова Б.Г. В разделе «ACADEMIA» читатель может познакомиться со статьями Д.Н. Разеева и Н.Н. Савченковой (сс. сс. 82 и 95 настоящего издания). Отдельным блоком идут материалы круглых столов научного форума «Культурное пространство путешествий» (с. 212).

Редакционная коллегия «Метафизических исследований» продолжает сбор материалов к тематическим выпускам альманаха, посвященным времени, а также философии тела и телесности. Желающие могут присылать свои статьи и оригинальные переводы объемом до авторского листа в редакцию альманаха (*e-mail: dibishe@yahoo.com*).

Б.Г. Соколов, Д.А. Бабушкина

Трофимов В.Ю.

Трикстер: Собственное или Чуждое

Фигура «божественного плута» впервые наиболее четко была прописана в книге Пола Радина «Трикстер: исследование мифологии североамериканских индейцев», с комментариями К.К. Кереньи и К.-Г. Юнга [1]. В письменной культуре, по мысли Кереньи, написавшего свой комментарий к этой книге в виде эссе, происходит дифференциация некогда единого Перворожденного трикстера, что можно рассмотреть на примере Прометея и Эпиметея, двух братьев-

близнецов. Прометей как типичный культурный герой представляет из себя посредника между миром богов и миром людей. Хитрость Прометея всегда оборачивается против него, это всегда страдающая фигура. Эпиметей же представляет из себя фигуру хитреца, хитрость которого оборачивается глупостью и вредит людям. Именно он хранит у себя ящик Пандоры. В послесловии книги Кереньи писал: «Каждое благое начинание Прометея приносит человечеству новые и новые страдания. Как только он добывает огонь для людей, Зевс сразу же лишает их этого дара. Когда, после похищения огня, Прометей терпит наказание вдали от людей, его место занимает Эпиметей... Именно он приносит человечеству (в качестве дара богов) неисчерпаемый источник несчастий -- Пандору... В моей книге о Прометее я задался вопросом, не могло ли дело обстоять так, что он и Эпиметей изначально были одним существом... Я не мог тогда предположить, что дуализм такого мифологического существа, соединяющего в себе хитрость и глупость, может быть выражен в мифе настолько рельефно» [2]. Как видно из этой цитаты, образ Трикстера в культуре виннебаго, презентация мифа которой является основой данной книги, это существо дуальной природы. С одной стороны, цикл мифов о Трикстере начинается с того, что некий вождь собирается вступить на тропу войны. Из комментария Пола Радина мы узнаем, что вождь не может вступить на тропу войны. Далее последовательно описывается на протяжении четырех эпизодов как вождь нарушает все мыслимые и немыслимые запреты, связанные с такими значимыми ритуалами как ритуал «связки» воина, ритуалы, связанные с гостеприимством, а также ритуалы, связанные с вступлением на тропу войны и так далее. Дальнейшее сюжетное развитие цикла раскручивается как ряд спонтанных действий главного героя, ведущих к тому, что он оказывается один. Люди, ставшие с ним на тропу войны, решают, что вождь сошел с ума и покидают его. Фактически, бывший вождь оказывается спонтанным изгнанником, что для индивида архаического общества равнозначно смерти. Дальнейшее путешествие Трикстера как раз и обозначает ту сферу, которая в рамках письменной культуры определяется как сфера личностного: сфера противопоставления Собственного и Не-Собственного. Здесь это сфера тождественна исключительно телесным проявлениям трикстера, который оказавшись один на один с собой, превращается в «фрагментарное тело». Приведем для убедительности цитату из цикла о Трикстере у Виннебаго: «Между делом его левая рука вдруг вцепилась в бизона.

-- Отдай его мне, он мой! Отцепись, не то я ударю тебя ножом! – так говорила правая рука. -- Я разрежу тебя на куски, вот что я с тобой сделаю, – продолжала правая рука.

Тем временем левая рука ослабила хватку. Однако вскоре после этого она опять вцепилась в правую руку. На этот раз она схватила ее за запястье как раз в тот момент, когда правая рука начала свежевать бизона. Это повторялось снова и снова. Вот так Трикстер заставил свои руки поссориться друг с другом. Ссора скоро перешла в жестокую схватку, и левая рука была сильно порезана» [3].

Как следует из приведенного эпизода герой мифа попав за пределы границы собственной культуры теряет чувство собственного тела, его правая рука не знает что творит его левая рука. В этом отношении очень показателен пример, приводимый К. Леви-Стросом в книге «Печальные тропики». Это пример встречи двух групп индейцев, изначально настроенных по отношению друг к другу враждебно. «Очень скоро между вождями завязался долгий разговор или, точнее, сменяющие друг друга монологи, произносимые каким-то необычайным ноющим и гнусавым тоном, -- пишет Леви-Строс. -- «Мы очень раздражены! Вы наши враги!» – ныли одни, а другие отвечали примерно так: «Мы не раздражены! Мы ваши братья! Мы друзья!»... Споры вперемешку с песнями продолжались всю ночь. Иногда дело даже доходило до драки» [4]. Далее Леви-Строс описывает, как подобный агрессивный контакт постепенно переходит в обмен дарами. Иногда такие встречи, спустя время, по его свидетельству, могли перерасти в серьезные военные конфликты. Мы намеренно привели эту цитату, чтобы провести аналогию между телом Трикстера и «плотью» межэтнической коммуникации, которая зачастую протекает в достаточно агрессивных формах и по схеме, которая напоминает драку между руками Трикстера. Чужак всегда представляет для носителя подобной культуры фундаментальную угрозу. Встреча с ним может означать смерть. Здесь наиболее отчетливо вырисовывается сфера Чуждого, вынесенная за пределы самой культуры. Трикстер потому превращается в некое чудовище, не имеющее четких границ тела, что он нарушил запреты и вышел за пределы топоса собственной культуры. Впечатление усиливается рядом эпизодов, имеющих явно копрофильский характер:

«С этими словами он взял горящее полено и прижег им рот своего ануса. Конечно же, он прижег самого себя, и как только огонь прикоснулся к коже, он закричал:

- Ой! Ой! Ну, это уже слишком! Моя кожа вся горит. Не за это ли меня называют Трикстер? Конечно, это они уговорили меня сделать это, как будто я делал что-то не так!

Трикстер обжёт свой собственный анус. Он прижёт его горящим поленом. Затем он ушел прочь.

Когда он шел по дороге, он был уверен, что кто-то совсем недавно проходил по ней, так как на дороге были следы. И верно, вскоре он набрел на кусок жира, который, должно быть, происходил из тела какого-то животного. «Кто-то, должно быть, нес здесь тушу убитого зверя», – подумал он про себя.

Затем он поднял с земли кусок жира и съел его. Жир был очень вкусный...

Однако дальше он, вдруг, к своему большому удивлению, обнаружил, что то, что он ел, является частью его самого, его собственных внутренностей. После того, как он прижёт свой анус, его внутренности сжались и стали вываливаться кусок за куском -- их-то он и подбирал...

Затем он связал свои внутренности вместе. Большая часть, однако, была утеряна. Связывая их, он стянул их вместе, так что образовались складки и морщины. Вот почему человеческий анус имеет именно такую форму» [5].

Помимо объяснительных мотивов, присутствующих в этом фрагменте, в глаза бросается явная нестабилизированность телесной семантики данного образа. В подобных эпизодах поведение Трикстера напоминает поведение человека с пространственной афазией. Создается такое впечатление, что выход за пределы социума сопровождается полной «дефрагментацией» тела. В доказательство этому я хотел бы привести следующие соображения. Во-первых, в обоснование вышеозначенных положений можно привести тот факт, не раз отмечавшийся этнографами, что нарушение табу или тотемных предписаний часто влечет за собой смерть, причиной которой по мнению такого авторитетного этнолога как М. Мосс является самовнушение [6]. Причем носителем подобного верования данное явление представляется как одержимость духом тотема. Описаны также случаи, когда о нарушителе начинали говорить как об умершем, после чего он действительно умирал.

Во-вторых, хотелось бы здесь остановиться на рассмотрении так называемых «анимистических представлений», которые, как мы покажем ниже, отнюдь не являются первобытными представлениями о душе, как их понимала классическая антропология, а скорее они яв-

ляются выражениями целостности сферы Собственного-Телесного. Здесь мне придется несколько огорчить нетерпеливого читателя и прежде чем сделать какой-либо вывод, обратиться к ряду примеров. Отечественным исследователем Г.Н. Грачевой [7] был проанализирован комплекс представлений сибирских народов, связанный с понятием «душа», а точнее, она провела этнолингвистический анализ данной категории на материале языка нганасан. Она пришла к выводу о том, что на русский язык данное понятие может быть переведено в зависимости от контекста следующим образом: а) Глаза, сердце, дыхание и другие категории, равнозначные «жизненности»; б) Ум, мысль; в) Тень или образ человека.

Грачева Г.Н. показала, что неадекватно использовать понятие «душа» для реконструкции их мировоззрения. Самое интересное, что это понятие употребляется самими носителями культуры, когда они хотят изъясниться на русском языке, то есть с чужаками. Хотя это понятие и не пусто по содержанию, но оно лишь фиксирует, что речь идет о некоем виде биопсихической целостности. По данным Штернберга, у нивхов существовало представление о трех душах. Главная душа располагалась по всему телу, а две маленькие -- в голове. После смерти большая душа умирала, а маленькая становилась ее дубликатом. И, как метко писал об этом А.Б. Островский: «Корреляты души в лингвистическом коде (*имеются в виду нивхи -- курсив мой*) -- кровь; интересно, что этим же термином обозначается орлиное перо и рыбий плавник -- средства движения тела. В физиологическом коде, по наблюдениям Штернберга, представления о душе ассоциированы с процессами кровообращения, в особенности с сердцем и дыханием -- с движением, постоянно происходящем в живом организме» [8].

Итак, подведем некоторые итоги и сделаем выводы из вышеперечисленных положений. Наиболее важным является то, что человек дописьменной культуры ассоциирует свое Собственное лишь с целостной телесностью. Таким образом, Не-Собственное оказывается границей собственной культуры, а сфера Чуждого ассоциируется с собственной смертью, причем как правило -- это смерть в результате боевого столкновения, несчастного случая или болезни. Это неоднократно подмечал М. Мосс в «Очерке о даре» и в работе «Физическое воздействие на индивида коллективно внушенной мысли о смерти» [9]. Здесь еще важно отметить, что для античного человека, как впрочем и для любого человека письменной культуры, сфера Чуждого отнюдь не связана с представлениями о смерти.

Она включена в плоть и кровь данного типа культуры и противопоставлена сфере Собственное -- Не-Собственное. Яркий пример тому -- античная трагедия. Личность в античной трагедии переживается как обреченная и одинокая, противопоставленная миру. Как пишет А.А. Тахо-Годи: «Личность героя большей частью имеет драматический характер, так как жизни одного героя не хватает, чтобы воплотить предначертания богов. В связи с этим в мифах часто укрепляется идея страдания героической личности и бесконечного преодоления испытаний и трудов. Герой часто гоним враждебным божеством... Чтобы создать великого героя, требуется не одно поколение героев. Зевс трижды вступает в брак со смертными женщинами, чтобы через тринадцать поколений появился от брака Зевса и Алкмены Геракл, среди предков которого уже были Данай, Персей, Алкей и другие сыновья и потомки Зевса» [10]. В отличие от «письменного» греческого героя, Трикстер просто существует. Он является Перворожденным. Его поведение спонтанно, но спонтанность эта не тождественна маргинальности. Это скорее образ пограничности, которая не осознает себя таковой. Это образ нарушения, выпадения из привычного порядка вещей, который, как мы показали выше, ассоциируется с дефрагментацией тела, то есть Собственного, которое тождественно душе.

Но, с другой стороны, Трикстер -- это творец такого привычного порядка вещей, это Демиург, это сошедший с ума вождь, он же шаман и колдун, тело которого может модифицироваться. Трикстер создает также ряд культов и в конечном итоге он оказывается творцом социального порядка, находящегося вне этических норм. Таким образом, он являет собой образ границы культуры, переход через которую равносителен смерти. Фактически на протяжении развития сюжета цикла происходит собирание тела Трикстера. Он теряет лишние части тела, в одном из эпизодов Скунс обгрызает гипертрофированный фаллос Трикстера, чем индейцы, в частности, объясняют форму данного органа. Трикстер устанавливает и обычаи. То есть, он собирает тело культуры, являясь ее творцом. В этом отношении любопытно, что он проходит ряд обрядов инициации. Модификация его телесности зачастую связана с символикой обрядов перехода. В частности, можно привести сюжет, где Трикстер превращается в женщину, пришедшую в деревню, вышедшую замуж за вождя, родившую ребенка. Обман обнаруживается лишь тогда, когда свекровь, погнавшись за Трикстером, видит, как по дороге он теряет свои половые органы, что в тексте мифа прописано крайне физиологично. Что примечательно в комен-

тариях к тексту мифа, Радин указывает на то, что женщина не может сама прийти в дом своего будущего мужа, то есть Трикстер в очередной раз здесь нарушает табу. Но с продвижением сюжета нарастает позитивная роль Трикстера. В конце цикла он уже Демиург:

«Трикстер жил в этой деревне очень долго и вырастил много детей. Однажды он сказал:

- Теперь, пожалуй, прошло как раз столько времени, сколько я должен был здесь оставаться. Я жил здесь очень долго. Теперь я опять собираюсь обойти вокруг земли и повстречать разных людей, ведь мои дети выросли. Я не создан для того, чем занимаюсь здесь.

Затем он пошел вокруг земли. Он начал свое путешествие у истока реки Миссисипи и пошел вниз по течению. Миссисипи – это деревня духов, а река – их главная дорога. Он знал, что реку скоро заселят индейцы. Именно поэтому он и отправился по ней. Все, что казалось ему препятствием для индейцев, он изменял. Он вдруг вспомнил, зачем он был послан на землю ее Творцом. Вот зачем он устранил все препятствия на реке.

Когда он шел, он убивал и съедал всех существ, которые вредили людям. Дороги духов земли проходили совсем близко от поверхности земли, и он вогнал их вглубь. Дороги духов воды – это ямы на реках. На многих реках есть пороги, которые лодки не могут пройти, и он выравнивал дно реки, устраняя их» [11].

Из приведенной выше цитаты мы видим, что Трикстер творит не только собственное тело и табу, но и приспособливает миропорядок для жизни людей. Из сумасшедшего вождя, постоянно выпадающего из мира порядка, он превращается в космогоническое существо. Но это космогоническое существо наделено специфическим характером, постоянно указывающим на телесность окружающего мира. Для иллюстрации приведем последний эпизод мифа:

«Наконец он сделал каменный котел и сказал:

-- Ну вот, в последний раз поем на земле.

Он начал варить себе еду и, когда она была готова, положил ее на огромное блюдо. Он сделал это блюдо из камня. Там он сидел и ел. Он сидел на вершине скалы, и место, где он сидел, можно видеть и сейчас. Там же можно увидеть котел и блюдо, и даже отпечатки его ягодич. Даже отпечатки его тестикул видны там до сих пор. Он ел неподалеку от того места, где Миссури впадает в Миссисипи. Потом он ушел и сначала погрузился в океан, а затем поднялся на небо.

Под миром, где обитает Творец Земли, есть другой мир, похо-

жий на первый, и за него отвечает Трикстер. Черепаха отвечает за третий мир, а Кролик отвечает за мир, в котором живем мы» [12].

Покидая этот мир, собрав его образ в нарушенных табуированных зонах, Трикстер покидает этот мир, оставив в нем след своего присутствия. Примечательно, что он уходит в особую сферу, сферу между Творцом (что по мысли Радина может быть результатом более позднего влияния христианской культуры) и миром людей, оставляя в этом мире своего заместителя -- Кролика. По сути дела, он представляет из себя границу между сакральным, Чуждым, и миром людей. Тот конструкт развертывания сюжета от «мечущегося тела» до Демиурга существует скорее всего из-за того, что данный миф представлен нам в записанной форме, причем весьма примечательно, что Радин получает этот миф от информанта уже в записанном виде. Виннебаго к тому моменту уже на протяжении десятилетия писали слоговым письмом, повидимому, специально созданным для них [13]. Интересно также то, что не существует никаких специальных ритуалов, связанных с Трикстером. Скорее, все истории, связанные с ним, рассказывались как иллюстрации к объяснению тех или иных табу. Некоторые из этих сюжетов могли рассказываться перед обрядом посвящения. Другие же были просто веселыми анекдотами. Вот как Пол Радин описывает реакцию самих виннебаго на образ Трикстера: «Смех, юмор и ирония пронизывают все поступки Трикстера. Реакция слушателей-аборигенов на него и его поступки – смех с тенью ужаса на лице. И нет никаких оснований считать, что это реакция вторична или является результатом позднейшего развития. Хотя всегда трудно сказать, смеется ли аудитория над ним самим, над его проделками или над тем скрытым смыслом, которым обладают для нее его поведение и поступки» [14].

Прежде чем перейти к рассмотрению особенностей бесписьменной культуры, делающей ее, на мой взгляд, принципиально внетекстовым явлением, стоит привести еще одно очень тонкое и изящное наблюдение Лотмана. Он пишет: «Бесписьменная культура с ее ориентацией на приметы, гадания и оракулов переносит выбор поведения во внеличностную область, поэтому идеальным человеком считается тот, кто умеет понимать и правильно истолковывать предвещения, а в осуществлении их не знает колебаний, действует открыто и не скрывает своих намерений» [15]. Здесь для нас важно то, что Лотман выделяет под названием «внеличностная сфера», которая прочитывается им как сфера коллективных представлений. Именно ее он называет текстом, абсолютно не предполагая того, что у инди-

вида в дописьменной культуре может существовать сфера Собственного. Он пишет: «Они предпочитают открытость и постоянство, если чувствуют, что кто-то неискренен, то допускают, что он весьма вероятно колдун... Но для ндембу состояние выбора означает отказ от обычая утвержденной веками роли... Он связывается с семантикой нарушением утвержденного порядка, то есть с колдовством, или с такими отрицательными человеческими качествами как двойственность и нерешительность» [16]. Но тем не менее сфера личного существует здесь как сфера тождественная Собственному. Внеличностной сферы попросту не существует, так как она совпадает с границами культуры, за которыми наступает смерть, будь то обряды инициаций или обряды жертвоприношений. Для дописьменного человека нет сферы Чуждого. Как раз вместо встречи с Чуждым и наступает смерть, ибо для примитивной экзистенции горизонты Dasein имеют весьма зримую пространственную форму, и при выходе «за границу» сфера Собственного разрушается: человек либо умирает, либо обретает новую сферу Собственного, что аналогично новому рождению, в другой культуре.

Символом пограничности с Чуждым в бесписьменной культуре выступает фигура трикстера. Все мифы о Перворожденном «божественном плуте» являют собой некий способ присутствия на границе примитивной культуры, на границе предписания, табу и их нарушения. Трикстер путешествует по собственному миру своей телесности, где сфера Собственного тождественна сфере Индивидуально-Телесного. Это то самое Собственное первобытного присутствия, о которой Хайдеггер говорил следующее: «Интерпретация присутствия в его повседневности однако не тождественна описанию первобытной ступени присутствия, знание которой может быть эмпирически добыто антропологией. Обыденность не совпадает с первобытностью. Обыденность есть напротив бытийный модус присутствия и тогда и именно тогда, когда присутствие движется в высокоразвитой и дифференцированной культуре... И у первобытного присутствия есть своя специфическая повседневность... Первобытное присутствие говорит часто прямее из исходного погружения в феномены» [17].

Примечания:

1. Radin Paul. The Trickster, a study in American Mytology with commentaries by K. Kerenyi and C.G. Jung, Lnd., Routledge and Kegan Paul, 1956. Радин П. Трикстер. Исследование мифов североамери-

канских индейцев с комментариями К.Г. Юнга и К.К. Кереньи. СПб.: «Евразия», 1999.

2. Там же, с.252.
3. Там же, эпизод 9. С.20-21.
4. К. Леви-Стросс. Печальные тропики. М., 1994. С.232-233.
5. П. Радин. Трикстер. Эпизод 14. С.32-33.
6. М. Мосс. Общество. Обмен. Личность. «Восточная литература» РАН, Москва, 1996. С.223-241.
7. Г.Н. Грачева. Ранние представления... С.49-52; тж. Островский А.Б. Мифология и верования нивхов. СПб., 1997. С.37-40.
8. А.Б. Островский. Мифология верований нивхов. СПб., 1997. С.39.
9. М. Мосс. Общество. Обмен. Личность. «Восточная литература» РАН, Москва, 1996. С.223-241, С.103-111.
10. А.А. Тахо-Годи. Греческая мифология. М., 1989. С.201.
11. П. Радин. Трикстер. Эпизод 47. С.84-85.
12. Там же, эпизод 49. С.86.
13. см. об этом подробнее П. Радин. Трикстер. С.161-164.
14. Там же, с.9.
15. Там же, с.104.
16. Ю.М. Лотман Избранные статьи. Таллин, 1992. С.105.
17. М. Хайдеггер. Бытие и время. М., 1997. С.50.

Смирнов А.В.

**Методологические перспективы понятия «дискурс»
в аспекте построения новой концепции культуры**

Термин «дискурс» при его употреблении в философском и социологическом контекстах в настоящее время наиболее часто связывается с творчеством Мишеля Фуко, разработавшего оригинальную теорию одного из аспектов рассмотрения коммуникативных систем. Сложность употребления данного понятия обусловлена тем, что основным, наиболее употребимым значением французского слова *le discours* является «речь». Однако, Фуко, разрабатывая свою теорию, вкладывал, судя по всему, несколько другой смысл в данное слово, вследствие чего при переводе на другие языки, в том числе и на русский, слово «дискурс» вошло в научный лексикон именно в таком написании. Первым переводом Фуко на русский язык оказалась работа «Слова и вещи», где во вступительной статье его первый переводчик и первый в России (тогда в СССР) интер-